Слово редактора

Виктор Вахштайн

Теория действия и зоны онтологической верификации

Теория социального действия — одно из самых живучих и экспансивных направлений социологического теоретизирования. Со времен Макса Вебера образ действующего агента непрестанно мутировал и видоизменялся: на смену ответственному и рефлексивному субъекту приходил безответственно экспрессивный актер [Сеннет, 2002], [Вахштайн, 2003], на смену расчетливому и эгоистичному «игроку» [Brustein, 1996] — детерминированный нормами и правилами «культурный дурак» [Гарфинкель, 2002], на смену переживающему и эмоциональному «члену сообщества» — «актант», лишенный всяких признаков человечности [Латур, 2007]. Когда в 1984 году Ален Турен написал свою уже ныне основательно забытую работу «Возвращение человека действующего» [Турен, 1998], коллеги и оппоненты только недоуменно подняли бровь: а он разве куда-то отлучался? Человек действующий постоянно менял свое обличье, но никогда не покидал поля зрения социологов. Даже те концепции, которые напрямую угрожали его существованию как автономной и наделенной субстанциальными чертами «боевой единицы», были вынуждены мириться с его «действиями» [Бурдье, 2001].

Действие — отчасти в силу инерции социологического языка — продолжало мыслиться в качестве кванта социальной реальности, даже тогда, когда сам действующий объявлялся его преди-

Вахштайн Виктор Семенович — профессор факультета социальных наук Российско-Британского университета МВШСЭН (Шанинка). Руководитель Международного центра современной социальной теории. Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Victor Vakhshtayn — professor at the Social Sciences Department (Russian-British University Moscow School of Social and Economic Sciences). Head of the International Center for Contemporary Social Theory. Research interests: sociology of everyday life, frame-analysis, epistemology of social sciences. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Социология власти
Том 27
№ 4 (2015)

катом, эпифеноменом или попросту фигурой умолчания [Ерофеева, 2014], [Ерофеева, 2015]. За сто тридцать лет существования социологической теории мы накопили такое количество концептуализаций «действия» и «действующего», что даже их перечисление в назывном порядке заняло бы куда больше места, чем позволяет жанр краткого редакторского предисловия. Подобная экспансия не могла не привести к, казалось бы, окончательной пролиферации понятия.

И все же у подлинно «акционистских» теорий есть одна любопытная отличительная черта. В механике социологической концептуализации особое место занимает метафора — оператор базовой дефиниции «X как Y» [Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2010]. К примеру «общество» может мыслиться по аналогии с «механизмом», «организмом» или «компьютером», что предполагает импорт различений из иных дисциплинарных языков. Но это не означает, что технические артефакты, биологические тела или вычислительные системы сами являются частью «общества». Напротив, теория действия предельно метонимична. В ней используется логика «X как *x*», где «x» — часть определяемого феномена. Причем особая, привилегированная его часть.

Скажем, для теоретика рационального выбора всякое действие представляет собой до некоторой степени действие рационального покупателя. «Даже когда я решаю, какую именно сумму перечислить своему другу, попавшему в беду, я спрашиваю — сколько всего ему в итоге потребуется, сколько есть на это времени и сколько еще людей готовы скинуться» — суммировал данный тезис Уильям Брустейн, автор книг «Логика зла» [Brustein, 1996] и «Корни ненависти» [Brustein, 2003]. В двух этих работах автор доказывает: за «иррациональными» макроисторическими феноменами (такими, как приход нацистов к власти) стоят вполне идентифицируемые и калькулируемые рациональные ожидания. «Если бы матери Терезе завтра сказали — мы можем дать тебе на благотворительность миллион или сто долларов, выбирай! — как вы думаете, что бы она предпочла?» — аргументировал Брустейн в своей публичной лекции в «Шанинке».

Метонимическая логика позволяет выделить один привилегированный тип действования (к примеру, «покупка») и использовать его в качестве модели для понимания всех остальных элементов класса «действия» — голосования, перехода дороги в неположенном месте, угощения друзей в баре или выбора брачного партнера. Так, действия игроков в покер становятся моделью для понимания действий мировых политических лидеров или глав обанкротившихся корпораций [Schelling, 2006]. Действия отца, успокаивающего ребенка спонтанным сочинением нравоучительной сказки «об одной капризной девочке, которая не хотела собирать игрушки», — мо-

делью для понимания действий кандидатов в мэры города [Яноу, ван Хульст, 2011]. Нерефлексивные и рутинные действия пешехода — моделью для понимания действий ученого [Livingston, 1986]. Действия актера на сцене — моделью для понимания поведения друзей на шумной вечеринке [Гофман, 2000]. Действия охваченного коллективным возбуждением аборигена — моделью для понимания действий трейдера на рынке [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2006] Но не только их, разумеется. А всех действий как таковых, т. е. всех элементов класса «X».

Что, если таких модельных элементов «x» более одного? Исследователи творчества Макса Вебера периодически спорят о соотношении целерационального и ценностно-рационального типов действования. Является ли действие Мартина Лютера, который «на том стоит и не может иначе», привилегированным по отношению к действию предпринимателя, подсчитывающего прибыли и убытки? Или наоборот — производным от него [Гайденко, Давыдов, 2006]? У Фердинанда Тенниса действия братьев, получивших в общую собственность отцовское имение, радикально отличаются от действий двух корыстных горожан (продавца и покупателя), но и в том, и в другом эпизоде речь идет о «взаимном утверждении воль». Иначе — например, в случае открытого конфликта и противоборства — это просто не социальные феномены, «чистому» социологу о них нечего сказать. Элемент «x» — даже если таких элементов несколько — кладется в основание определения *всего* класса «X».

Любой ли тип действия может быть «назначен» репрезентативным и модельным? Вероятно, нет. Метонимическая концептуализация подрывает самоуверенность эпистемолога — она вынуждает признать, что уже в самом действии определенного типа (а не в наших теоретических языках описания), содержится нечто такое, что заставляет именно его принимать за образец. Собственно, в такие моменты мы начинаем задаваться вопросом о *зонах онтологической верификации* социологических теорий. То есть о тех фрагментах мира, в которых и выковываются интуиции его описания.

Судья может руководствоваться разными мотивами при вынесении приговора, но его решение — либо легитимно, либо нет.

Игрок в шахматы может использовать разные стратегии, но его ход — либо приводит к победе, либо нет.

Актер может использовать разные уловки и ухищрения, но его исполнение — либо создает коллективную «иллюзию», либо нет.

Ученик, решая задачу, свободен в выборе метода решения, но задача либо решена, либо нет.

Архитектор может выбирать из пула имеющихся решений, но его выбор — это то, за что ему придется нести ответственность. (После критики в прессе один архитектор здания венской оперы покончил

жизнь самоубийством, второй — умер от сердечного приступа через два месяца).

Кажется, ключевой особенностью всех привилегированных элементов «x» является их способность порождать последствия, выходящие за рамки интенции самих действующих. В зонах онтологической верификации действие приобретает вес, перестает быть «жестом», демонстрирует свою собственную логику, несводимую к мотивам, намерениям или компетенциям.

В 1974 году Альберт Бандура, создатель теории реципрокного детерминизма и президент Американской психологической ассоциации, привел в своем президентском послании следующий пример: «В большом городе при решении вопроса о том, какой кинофильм посмотреть, индивид мало чем ограничен, поэтому личные предпочтения здесь выступают в качестве преобладающих детерминантов. Напротив, люди, находящиеся в глубоком бассейне с водой, будут примечательно сходны в своем поведении, сколь бы уникально разнообразны ни были они по своему когнитивному и поведенческому складу» [Bandura, 1974, цит. по: Ялом, 1999]. Первый же вопрос, который задали ему коллеги из (немногочисленной) фракции экзистенциальных психологов: «И какой процент своей жизни Вы проводите в глубоком бассейне с водой?». Впрочем, сами практикующие психологи-консультанты и психотерапевты регулярно погружаются в такой бассейн под названием «практика консультирования»; и сколь бы уникальны они ни были по своему стилю взаимодействия с клиентами, полученному образованию или исповедуемым философским принципам, клиенту либо становится лучше, либо — нет.

По-видимому, одним из типов действия, не имеющего непосредственной зоны онтологической верификации, остается действие исследователя. Его крайне сложно помыслить в качестве привилегированного элемента множества «X».

Этот номер посвящен формированию новой повестки дня в социологии действия. В статье Павла Степанцова реконструируется интеллектуальная история акционистской теории — от М. Вебера до Д. Дэвидсона. Автор показывает, что дает перевод основной проблематики социологии действия на язык анализа событий и какие новые формы в нем приобретает старое противостояние каузалистских и интенционалистских подходов. Мария Ерофеева, напротив, обращается к современности, и ставит вопрос о разных теоретических стратегиях «приписывания агентности» человеческим и нечеловеческим акторам. Опираясь на работы по объектно-ориентированной онтологии (Г. Харман), она анализирует силу и слабость «латуровского решения» в теории действия.

Статьи Константина Глазкова, Владимира Южакова и Людмилы Пресняковой возвращают нас к проблематике повседневных действий в эпоху их «дигитализации» — ожидание в очереди, навигация в городе и игра в пространстве «Ingress» становятся предметом скрупулезных эмпирических исследований.

Стратегический характер социального действия — предмет следующего блока статей. Светлана Бардина обращается к теориям социального капитала для объяснения стратегий экономического поведения россиян. Те же параметры социального капитала и «сетей доверия», но уже как факторы смены места жительства и выбора стратегий мобильности анализируются в статье Полины Жигаревой. В фокусе исследования Александра Назаренко — конфликт между разными стратегиями действия в университетском пространстве: ориентацией на эффективность и производством научного знания.

Насколько нам удалось решить поставленную задачу — провести «инвентаризацию» имеющихся теоретических ресурсов и наметить новую исследовательскую повестку дня — судить читателю. В конечном итоге, действие редактора в чем-то аналогично действию архитектора: выбранное им решение либо удачно, либо — нет.

Библиография

Бурдье П. (2001) Практический смысл. СПб.: Алетейя.

Вахштайн В. С. (2003) Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения. *Социологическое обозрение*. 3 (4).

Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. (2006) История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига.

Гарфинкель Г. (2002) Исследование привычных оснований повседневных действий. Социологическое обозрение. 2 (1).

Гофман И. (2000) Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц.

Ерофеева М. А. (2014) Осадок смысла: следствия феноменологической трансформации теории действия в теории фреймов. *Социология власти*. 2014. (1).

Ерофеева М. А. (2015) Акторно-сетевая теория и проблема социального действия. *Социология власти*. (1).

Кнорр-Цетина К., Брюггер У. (2006) Рынок как объект привязанности: исследования постсоциальных отношений на финансовых рынках. *Социология вещей*. М.: Территория будущего.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2010) Реальность образования и исследовательские реальности. М.: ГУ-ВШЭ.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*. 6 (2).

Сеннет Р. (2002) Падение публичного человека. М.: Логос.

Турен А. (1998) Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир.

Ялом И. (1999) Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс.

Яноу Д., ван Хульст М. (2011) Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования. *Социологическое обозрение*. 10 (1-2).

Bandura A. (1974) Presidential Address. Unpublished manuscript.

Brustein W. (1996) The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925-1933. New Haven and London: Yale University Press.

Brustein W. (2003) Roots of Hate. Anti-Semitism in Europe before the Holocaust. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Livingston E. (1986) The ethnomethodological foundations of mathematics. L.: Routledge and Kegan Paul.

Schelling T. C. (2006) Micromotives and Macrobehavior. NY.: Norton Press.

References

Bandura A. (1974) Presidential Address. Unpublished manuscript.

Bourdieu P. (2001) Prakticheskii smysl [Raisons pratiques]. SPb.: Aleteiia.

Brustein W. (1996) The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925-1933. New Haven and London: Yale University Press.

Brustein W. (2003) Roots of Hate. Anti-Semitism in Europe before the Holocaust. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Erofeeva M. A. (2014) Osadok smysla: sledstviia fenomenologicheskoi transformatsii teorii deistviia v teorii freimov [Residue of meaning: consequences of phenomenological transformation of theory of action in frame theory]. *Sotsiologiia vlasti*. 2014. (1).

Erofeeva M. A. (2015) Aktorno-setevaia teoriia i problema sotsial'nogo deistviia [Actor-network theory and the problem of social action]. *Sotsiologiia vlasti*. (1).

Garfinkel H. (2002) Issledovanie privychnykh osnovanii povsednevnykh deistvii [Studies of the routine grounds of everyday activities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2 (1).

Gaidenko P. P., Davydov Iu. N. (2006) Istoriia i ratsional'nost'. Sotsiologiia Maksa Vebera i veberovskii renessans [History and rationality. Sociology of Max Weber and weberian renessaince]. M.: KomKniga.

Goffman E. (2000) Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]. M.: Kanon-Press-Ts.

Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2006) Rynok kak ob'ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh [The Market as an Object of Attachment]. Sotsiologiia veshchei, M.: Territoriia budushchego.

Konstantinovskii D. L., Vakhshtayn V. S., Kurakin D. Iu. (2010) Real'nost' obrazovaniia i issledovatel'skie real'nosti [Reality of Education and Research Realities]. M.: Higher School of Economics.

Latour B. (2007) Ob interob»ektivnosti [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 6 (2): 79-96.

Livingston E. (1986) The ethnomethodological foundations of mathematics. L.: Routledge and Kegan Paul.

Schelling T. C. (2006) Micromotives and Macrobehavior. NY.: Norton Press.

Vakhshtayn V. S. (2003) Dramaturgicheskaia teoriia Irvinga Gofmana: dva prochteniia [Dramaturgical sociology of Erving Goffman: two interpretations]. *Sotsiologicheskoe obozrenie. Vol. 3. № 4.*

Sennett R. (2002) Padenie publichnogo cheloveka [The fall of public man]. M.: Logos.

Touraine A. (1998) Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherk sotsiologii [Le retour de l'acteur. Essai de sociologie]. M.: Nauchnyi mir.

Yalom I. (1999) Ekzistentsial'naia psikhoterapiia [Existencial psychotherapy]. M.: Klass.

Yanow D., van Hulst M. (2011) Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [From Policy «Frames» to «Framing»: Theorizing a More Dynamic, Political Approach]. *Sotsiologicheskoe obozrenie,* 10 (1–2).